

Рамон Женер

История одного рояля

В ПЕРЕВОДЕ НАДЕЖДЫ МЕЧТАЕВОЙ

Издательство «Азбука»
Санкт-Петербург

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44
Ж 54

Ramon Gener
HISTÒRIA D'UN PIANO
Copyright © Ramon Gener, 2024
All rights reserved

Перевод с испанского Надежды Мечтаевой

Оформление обложки Егора Саламашенко

ISBN 978-5-389-26193-8

© Н. Ф. Мечтаева, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

Пресса, коллеги и автор об «Истории одного рояля»

Этот роман написан изящно и читается с наслаждением. «История одного рояля» — повесть живая, вольная и непредсказуемая. Здесь будут и магия, и чудеса, и судьба... Женер много знает о музыке, умеет посмотреть за ее пределы и щедро делится своей страстью. Стройный сюжет вьет вокруг рояля сеть задушевных отношений между людьми из разных стран: так дружба и чуткость противостоят боли.

La Vanguardia

Мало кто умеет с такой страстью говорить о музыке, поэтому первый роман Женера пленит и меломанов, и тех, кто хочет больше узнать о прошлом. Замешивая музыкальные темы на человеческой любознательности, Рамон Женер поет оду спасению посредством того, что нас объединяет, и превыше всего — спасению через музыку.

ElNacional.cat

В центре «Истории одного рояля» — музыка: она — движущая сила отношений между людьми, и она же — призма, через которую автор рассматривает и толкует реальность.

Núvol

Незабываемый роман об искупительной силе музыки.

De lector a lector

Роман Женера приобщает нас к истории одного рояля, и этой саге не будет конца.

39ymás

Женер настолько живет музыкой, что умеет расслышать мелодию даже в шуме барселонской стройки... Неудивительно, что в своем первом романе он назначил главным героем музыкальный инструмент — собственный рояль.

El Periódico de Catalunya

Рамон Женер делает возможным невозможное — он делится своей страстью и соблазняет даже самых прожженных скептиков.

The New Barcelona Post

В этом романе главный герой — музыка, иначе и быть не могло; а точнее, рояль, который неизменно оказывается в центре всего, оставляет следы в истории XX века и создает вокруг себя пространство тепла.

Zenda

В своем первом романе Женер, обладатель престижной каталонской литературной премии Рамона Льюля, ведет нас по лабиринту времени и мелодий жизни. «История одного рояля» раскрывает перед нами животворящее могущество музыки, ее способность объединять людей и в самые черные дни дарить им надежду и утешение. Женер напоминает нам о том, как важна музыка — всемирный язык, сплетающий воедино прошлое, настоящее и будущее.

Biblioteca Virtual de la Diputació de Barcelona

Отзывы жюри премии Рамона Льюля

Если нас может спасти музыка, значит и литературе это под силу. А эта книга спасла наше жюри. Мы как будто нашли сокровище. Это великолепный роман. Отлично выстроенный, очень тонкий, очень волнующий, он раскрывает нам наше недав-

нее прошлое и показывает, как оно созвучно нам сегодня. Это возвышенная книга, в ней есть мгновения экстаза и катарсиса. И это не однодневка — это книга на века.

*Жерард Кинтана,
музыкант, поэт, актер и писатель*

Мощь. Магия. Изумительная композиция, трогательная история. Это литература высочайшего уровня.

Карме Рьера, писательница

Один из важнейших каталанских романов, которые мне выпадало прочесть за многие годы. Здесь прекрасна каждая страница.

*Пере Жимферрер,
поэт, прозаик, переводчик и критик*

Масштабная, достоверная конструкция, панорама всей истории XX века.

*Карлес Казажуана, писатель и дипломат,
бывший посол Испании в Великобритании*

История, в которую читатели обречены влюбиться.

*Изона Пасола, сценаристка, продюсер, режиссер,
президент Каталонской киноакадемии*

Рамон Женер об «Истории одного рояля»

Все, что происходит в этом романе, подлинно — там, куда не дотягивалась реальность, приходилось заполнять лакуны вымыслом, однако и этот вымысел неизменно основан на реальности... Рояль — не просто инструмент, создающий музыку: это машина времени, предмет, который помнит тех, кого больше нет с нами, и роман говорит об этом через людей, владевших моим роялем до меня.

Из интервью ElNacional.cat

Рояль прекрасен тем, что способен объяснить историю целого мира. Через рояль мы можем постичь историю всей Европы XX века.

Из интервью Infobae

Все, что происходит в жизни, — это музыка; ничего другого нет. Музыка — самое важное, что происходит после всего, что важно. Музыка — единственное, что непрерывно творит чудо, которого люди не замечают: всякий раз, когда слушаешь ее, что-то происходит. Даже если ничего не знаешь о музыке, можно ее впитать, создать из нее собственную историю. История будет совпадать или не совпадать с намерениями композитора, но это уже значения не имеет. Вот в чем магия музыки.

Из интервью Noticias de Navarra

Едва взглянув на него, она поняла: этот.
Этот, и никакой другой.

Она не могла оторвать от рояля глаз. Ее переполняла радость. От усталости после нескольких часов в поезде, который привез ее из Магдебурга, не осталось и следа.

В тот день, один из последних дней октября 1915 года, день, которого она так долго ждала и к которому так долго готовилась, она, как всегда, проснулась за час до рассвета. Позавтракала, сложила в сумочку все свои сбережения, во внутренний карман шубки, подаренной когда-то покойным мужем, положила письма сына и вышла из дома.

На вокзале ее ждал окутанный дымом поезд. С решимостью человека, уверенного, что поступает правильно, она протиснулась сквозь толпу на перроне и поднялась в последний вагон. Добралась по узкому, заставленному вещами пассажиров проходу до своего места и, не сняв шубки, села у окна.

Через несколько минут начальник станции объявил:

— Просим пассажиров занять свои места.

Он произнес эти слова таким красивым и чистым баритоном, что люди на перроне замерли, прислушиваясь.

С лукавой улыбкой человека, сознающего, что находится в центре всеобщего внимания, он картинным жестом вынул из кармана серебряный свисток, посмотрел сначала налево, потом направо, удостоверился, что все глаза устремлены на него, поднес свисток к губам, и ровно в 07:23 перрон огласился залившимися свистом. Толпа пассажиров и провожающих тут же пришла в движение, в глотку старого железного коня государственных прусских железных дорог полетела очередная порция угля, тяжелые шестеренки очнулись от сна, и поезд тронулся, ускоряясь — постепенно и очень медленно, словно в длиннейшем *accelerando rossiniano*¹, — пока наконец не набрал нужную скорость — *andante assai grazioso*.

За окном в слабом утреннем свете проносились унылые осенние пейзажи Саксонии, колеса закопченного старого поезда стучали *ostinato*, и, убаюканные этим стуком, пассажиры засыпали. Сон одолевал их одного за другим, как апостолов в Гефсиманском саду. Постепенно уснули все.

Все, кроме нее. Сидя у окна на деревянной скамейке, она думала о цели своей поездки, и эти мысли лишили ее сна.

Внезапно — в тот самый момент, когда полутьма чуть отступила, давая дорогу дневному свету, — пер-

¹ Здесь и далее автор обильно использует в тексте музыкальную терминологию; авторский глоссарий с объяснением терминов (в абсолютном большинстве случаев итальянских) см. на с. 387.

вые солнечные лучи, не спрашивая ни у кого разрешения, проникли через оконное стекло в вагон и изменили ход ее мыслей. Глядя на запывавшее на горизонте светило и удивляясь тому, какое оно огромное, она заметила, что в оконном стекле появилось ее отражение. Ортруда Шульце попыталась увидеть себя такой, какой была когда-то: влюбленной девушкой, женой, молодой матерью... Она очень хотела увидеть себя такой. Но в оконном стекле отражалась совсем другая женщина — сорокапятилетняя, усталая, печальная, пытающаяся устоять под ударами судьбы, изнуренная тяготами бессмысленной войны. Только волосы, по-прежнему золотые, огромные, оливкового цвета глаза, безупречные белые зубы и что-то едва уловимое в выражении лица напомнили ей о тех счастливых временах, которые были когда-то и давно прошли. О счастье, вероломно разрушенном жестокой судьбой, которая отняла у нее мужа еще до того, как он стал отцом, а теперь пыталась отнять единственного сына, отправив его на Западный фронт воевать с Антантой. Это случилось хмурым октябрьским утром 1914-го. Ему было только двадцать лет.

— Не волнуйся, мама, — сказал он на прощание. — Все говорят, что к Рождеству война закончится и мы вернемся домой.

Так же, как и он, больше миллиона молодых немцев прощались в тот день со своими матерями.

Так же, как и он, они старались успокоить матерей, обещая, что скоро все закончится, что это вопрос нескольких дней.

В те дни все тевтонские газеты трубили о грядущих победах. Уверяли, что война закончится еще до Пасхи. Что план, разработанный несколькими годами ранее генералом Альфредом фон Шлиффеном, гарантирует быстрый успех. Что этот план настолько безупречен и эффективен, что о его провале и речи быть не может. Немцев газеты рисовали непобедимыми гигантами, которым Голиаф в подметки не годится. Разбить галлов, войти в Париж и захватить всю страну — вопрос нескольких дней. Никаких сомнений.

Но прошло Рождество, и 1915 год показал более чем миллиону молодых немцев, более чем миллиону их матерей и всему более чем шестидесятипятиллионному населению Германии, что планы — это одно, а действительность — другое. На помощь французам пришли британцы, и вместе они сумели остановить продвижение германских войск к Парижу. Теперь силы были равны, и линия фронта огненной чертой рассекла сердце Европы от Ла-Манша до Швейцарии. Смертоносная траншея. Капкан, в который попал единственный сын Ортруды. Его часть находилась во Фландрии и Артуа, неподалеку от Арраса, в краю серого неба и переменчивой погоды. В краю, где надежда умирала в агонизирующем *adagio*, в краю, откуда не было возврата.

Так что несколько дней превратились в несколько недель, и еще несколько недель, потом недели превратились в месяцы, и Ортруда оказалась в таком же капкане, что и ее сын. Только траншея была другая —

ее скромный дом возле Магдебургского собора. Там, под сенью готических башен собора, в котором покоился прах Оттона Великого, короля франков и первого императора Священной Римской империи, она ждала. Ждала и привыкала к одиночеству и тоске. Постепенно тоска настолько прочно вошла в жизнь Ортруды, что, казалось, ее можно было видеть, слышать и осязать.

А еще Ортруда привыкла к тишине, к фотографиям на ночном столике, к грязным ботинкам в прихожей, к завалу на письменном столе, к тому, что одежда только зря пылится в шкафах... Со временем она привыкла обедать за столом в компании двух пустых стульев, на которых когда-то сидели ее муж и сын.

Она тосковала по ним. Тосковала отчаянно. Особенно по ночам, когда выключала свет, ложилась в постель и закрывала глаза. Они снились ей каждую ночь, и тогда она начинала дышать *stringendo*, а когда доходила до *tempo rubato*, с ее губ срывались дорогие имена: «Йоханнес! Йоханнес!»

Каждый раз, не обнаружив первого Йоханнеса рядом с собой в супружеской постели, она испытывала мучительную боль. Ее сердце разрывалось каждый раз, когда, заглянув в комнату второго Йоханнеса — ее сына, попавшего в капкан войны, — она никого там не находила.

Единственное, что помогало ей — пусть ненадолго, пусть немного — заполнить страшную пустоту, было стоявшее в гостиной пианино. Старое пианино компании «Гротриан — Штайнвег».

Она садилась за инструмент, и ей казалось, что рядом садится ее муж — служащий муниципалитета, страстный любитель музыки, купивший когда-то с рук это пианино, чтобы музицировать в свободную минуту. А иногда ей казалось, что она слышит игру сына — виртуоза, который начал играть, когда ему едва исполнилось семь. Сам начал. Никто его не заставлял.

Тоска словно отступала, когда Ортруда вспоминала тот день.

Это был обычный день. Обычный облачный день. И все в тот день шло как обычно до той минуты, когда ребенок взобрался на банкетку, поднял крышку пианино и заиграл. Он играл детские песенки и популярные мелодии. Играл так, словно занимался этим всю жизнь: не сбиваясь, не останавливаясь — так, будто легче этого ничего на свете не было.

Пораженная этим чудом, мать бросилась на поиски учителя, который смог бы направить внезапно открывшийся дар в нужное русло.

Долго искать не пришлось: поблизости жил герр Шмидт, бездетный вдовец, пианист, который, завершив многолетнюю и не очень удачную карьеру исполнителя, покинул сцену и вернулся в родной город. Обиженный на обделившую его судьбу, герр Шмидт жил затворником и занимался тем, что давал на дому уроки музыки. Он чувствовал, что его жизнь приближается к *cadenza finale*. У него не осталось никаких надежд, и он одевался во все черное, а разочарованный взгляд прятал за толстыми стеклами больших круг-

лых очков. У него были густые черные усы, как у Ницше, и почти абсолютно лысый череп. Те несколько длинных седых волосков, которые у него еще оставались, даже приносили пользу окружающим: ветер раздувал их, когда герр Шмидт шел по улице, и они превращались в отличный флюгер, позволявший определить направление ветра. И вот судьба дала этому обиженному ею человеку второй шанс в тот день, когда он познакомился с маленьким Йоханнесом.

Когда старик услышал о семилетнем вундеркинде, который играет так, будто игра на фортепиано — самое легкое дело на свете, он ощутил *diminuendo* отравлявшего его жизнь пессимизма. Пессимизм исчез совсем, после того как герр Шмидт посетил дом Ортруды, чтобы послушать мальчика. Когда Йоханнес доиграл, старик пал ниц и, подобно тому как уверовал апостол Павел, услышав голос Спасителя на пути в Дамаск, вновь уверовал и в Божественное провидение, и в возможности человека.

И случилось то, чего не случалось уже много-много лет: герр Шмидт улыбнулся. И это ему понравилось. Очень понравилось. Улыбаясь, смотрел старик на явившееся ему чудо. Потом перекрестился, поднял глаза к небу и возблагодарил Господа за неожиданный подарок.

Сомнений быть не могло: эта миссия возложена на него свыше.

Занятия начались сразу.

Учитывая особую ситуацию и бедственное финансовое положение матери, которая жила и растила

сына только на скромную пенсию, полагавшуюся ей после смерти мужа, и на то, что удавалось заработать починкой одежды, герр Шмидт решил не брать плату за уроки.

Он думать забыл о приближении *cadenza finale* своей жизни. Перед ним открывались новые горизонты. Вдохновленный творческим духом Книги Бытия, он посвятил себя выполнению задачи, которую поставил перед ним Всевышний: созданию музыкального мира, где будет жить маленький Йоханнес.

Книга Бытия. Часть первая

Вначале сотворил герр Шмидт музыкальный мир, который был для Йоханнеса новым и неизведанным.

И сказал герр Шмидт: «Да будет рамка для музыки». И явились пять параллельных линий. И назвали их нотным станом. И увидел Йоханнес, что все линии хороши, и полюбил их.

И был вечер, и было утро: день один.

И сказал тогда герр Шмидт: «Да будут ноты и паузы». И появились на линиях разные пятнышки. И увидел Йоханнес, что все пятнышки хороши, и полюбил их. А герр Шмидт назвал имена пятнышек (ля, си, до, ре, ми, фа, соль) и их длительности (целые, половинные, четвертные, восьмые, шестнадцатые...).

И был вечер, и было утро: день второй.

И сказал потом герр Шмидт: «Да будет у каждой ноты свое место». И появились слева на нотном стане удивительные значки. И были это ключ «соль», ключ «фа» и ключ «до». И все они были хороши, и Йоханнес полюбил их.

И был вечер, и было утро: день третий.

И сказал герр Шмидт: «Да будут диезы и бемоли». И на нотном стане появились новые удивительные значки. И еще сказал герр Шмидт: «Да принесут новые знаки плоды по роду своему, и да наполнятся ими музыка». И появились тональности.

И одни были мажорные, чтобы властвовать над днем, другие — минорные, чтобы царить ночью. Но Йоханнес увидел, что все они хороши, и полюбил их все: первые — за то, что были светлые и веселые, вторые — за то, что были темные и глубокие.

И был вечер, и было утро: день четвертый.

И сказал герр Шмидт: «Да будет то, что поможет нам держать ритм». И вертикальные линии пересекли нотный стан, разделив его на такты. Одни такты были длинные, и ритм в них был сложный, другие были короче, и ритм в них был простой, но Йоханнес увидел, что все они хороши, и полюбил их.

И был вечер, и было утро: день пятый.

И сказал тогда герр Шмидт: «Пусть музыка оживет!» — и нотный стан, ноты, паузы, ключи, диезы, бемоли и такты словно вздохнули и встрепенулись.

«Пусть жизнь множится и ширится, пока не выйдет за пределы бумаги!» — и все вокруг наполнилось гармонией и динамикой: явились тысячи эмоций, каждая со своим именем — piano, forte, adagio, moderato, allegro, crescendo, diminuendo, ritenuto, accelerando, legato...

И Йоханнес увидел, что и вся эта жизнь, и каждое чувство и движение хороши, и полюбил их.

И был вечер, и было утро: день шестой.

И сказал герр Шмидт: «Да будут моря и океаны, чтобы плыть по ним». И усадил Йоханнеса за пианино, перед черными и белыми клавишами. Перед морем из пятидесяти двух белых и тридцати шести черных клавиш. Нет, не морем — безбрежным океаном из восьмидесяти восьми клавиш, океаном музыки, по которому можно плыть и плыть. Бесконечно. Назло всем ветрам.

И Йоханнес прикоснулся к клавишам, и увидел, что они прекрасны, и полюбил их всей душой. И стали они его вселенной.

И был вечер, и было утро: день седьмой.

И совершил герр Шмидт к седьмому дню труды свои. Возблагодарил Господа, пославшего ему эти труды, и почил от дел.

Йоханнеса же он благословил, перекрестил и оставил в Эдемском саду — пусть тоже денек отдохнет.

Несмотря на то что Йоханнес учился плавать по волнам из эбенового дерева и слоновой кости с необыкновенной легкостью и быстротой, герр Шмидт ни на минуту не забывал данного им Всевышнему обещания и ни на шаг не отступал в обучении от строжайшей методики. Он соблюдал методические принципы так же неукоснительно, как истинный христианин соблюдает десять заповедей, высеченных на каменных скрижалях, которые Моисей принес с горы Синай. Он заставлял ученика отрабатывать каждый элемент, не позволял забегать вперед, перескакивать через ступеньку — это могло впоследствии сказаться на технике исполнения. А в конце каждого урока он для вящей пользы заставлял Йоханнеса произносить максимум из собственного пианистического катехизиса: «Музыка, музыка и только музыка!»

Первыми пьесами, вышедшими из восьмидесятивосьмиклавишного океана старого пианино компании «Гротриан — Штайнвег», были этюды для начинающих: Кёлер, Геллер, Черни. Они заложили основы техники, и после них уже можно было переходить к следующему этапу: маленьким прелюдиям

Женер Р.

Ж 54 История одного рояля : роман / Рамон Женер ; пер. с исп. Н. Мечтаевой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 400 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-26193-8

В 1915 году, в разгар Первой мировой войны, одна женщина из Магдебурга купила своему гениальному сыну-пианисту самый прекрасный на земле рояль. Самый грустный на земле рояль, потому что ее сын так на нем и не сыграл.

Прошел век. Рамон Женер, автор и персонаж, купил самый прекрасный на земле рояль у волшебного хранителя роялей, который успел предупредить, что этот инструмент особенный, а затем бесследно исчез. А спустя еще несколько лет внутри рояля обнаружился секрет, с которого для Женера, автора и персонажа, началось путешествие в прошлое.

Рамон Женер, музыкант и меломан, известный по всей Европе лектор, просветитель, радио- и телеведущий, рассказывает о музыке всю свою жизнь. «История одного рояля» — его первый роман, который мгновенно стал бестселлером, переводится на десяток языков и уже принес автору премию Рамона Льюля, самую престижную каталонскую литературную награду. «История одного рояля» — сказание об истории XX века, роман о людях, которых связывает инструмент, по сей день стоящий дома у автора. «Там, куда не дотягивалась реальность, приходилось заполнять лакуны вымыслом, — поясняет Женер, — однако и этот вымысел основан на реальности». В истории рояля были две мировые войны, смерть и память, вина и искупление, бедствия и красота, но, конечно, больше всего в ней было музыки. Это история о высшей магии, основанная на подлиных событиях. История о том, как музыка дарует нам утешение, придает отваги и сил жить дальше, расширяет сознание, стирает границы и, даже если и не прекращает войны, хотя бы на мгновение творит прекрасный хрупкий мир.

Впервые на русском!

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

РАМОН ЖЕНЕР

ИСТОРИЯ ОДНОГО РОЯЛЯ

Ответственный редактор Анастасия Грызунова

Редактор Лея Любомирская

Художественный редактор Егор Саламашенко

Технический редактор Мария Антипова

Компьютерная верстка Ирины Варламовой

Корректоры Дмитрий Капитонов, Ольга Попова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 12.05.2025.

Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.

Усл. печ. л. 24,5. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —

обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.

муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, Санкт-Петербург,

Херсонская ул., д. 12–14, лит. А

Тел. (812) 327-04-55

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —

АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.

Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25

Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,

Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А

Тел. (812) 327-04-55

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-BRM-35173-01-R